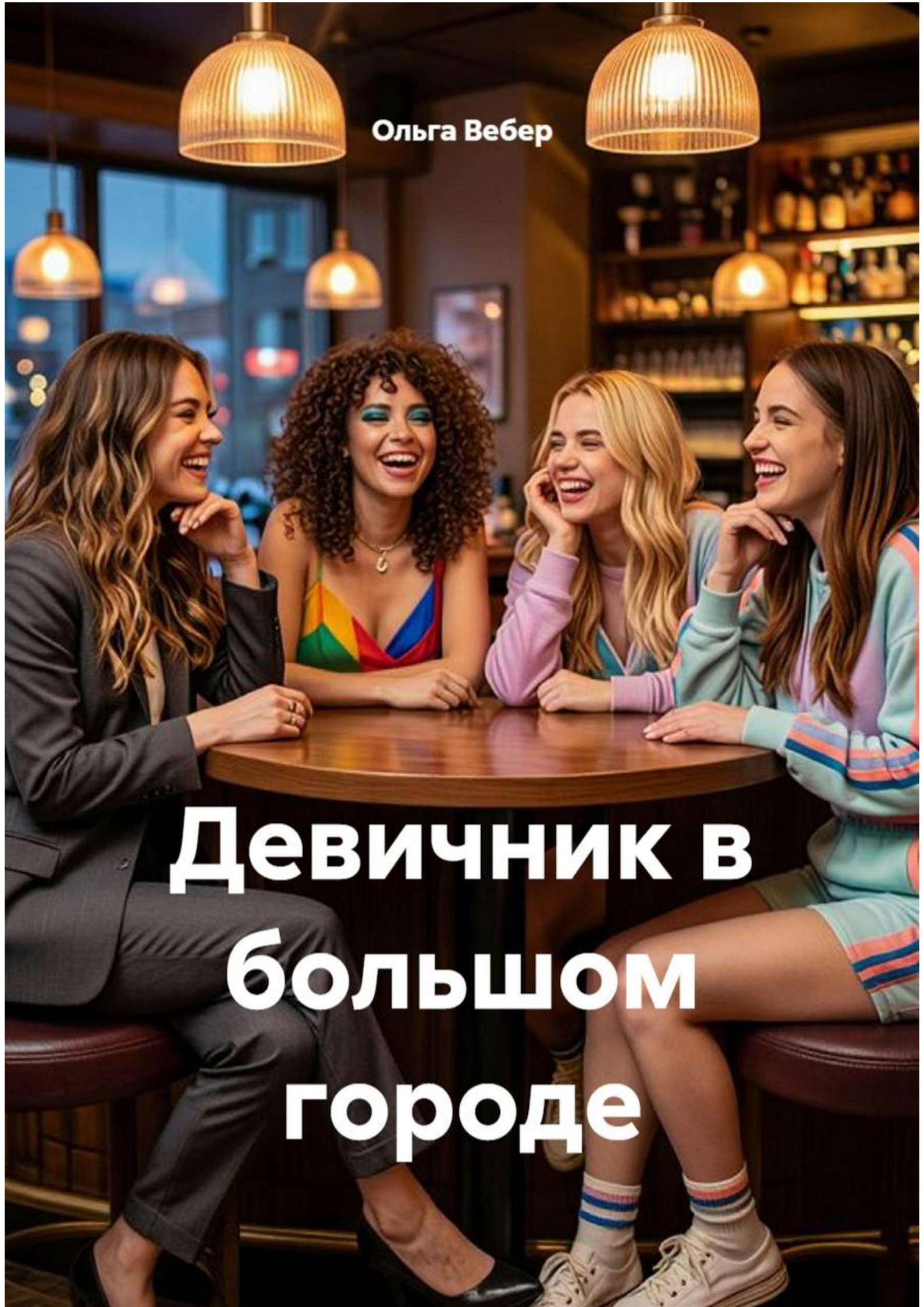

A photograph of four young women sitting around a round wooden table in a bar or cafe, laughing and talking. The woman on the far left has long wavy brown hair and is wearing a grey blazer. The woman next to her has curly brown hair and is wearing a rainbow-colored halter top. The woman next to her has long blonde hair and is wearing a light purple long-sleeved shirt. The woman on the far right has long brown hair and is wearing a light blue and pink striped long-sleeved shirt. They are all smiling and looking at each other. The background shows a bar with shelves of bottles and several pendant lights hanging from the ceiling.

Ольга Вебер

Девичник в большом городе

Ольга Вебер

Девичник в большом городе

«Автор»

2026

Вебер О.

Девичник в большом городе / О. Вебер — «Автор», 2026

Они поклялись, что мужчины не сломают их карьеру и планы на жизнь. Но у вселенной свои «рецепты». Четыре лучшие подруги — системный маркетолог Маша, взрывная дизайнер Лера, нежная кондитер Аня и дерзкая тренер Даша — каждую пятницу собираются в любимом баре, чтобы спасти друг друга от дедлайнов и провальных свиданий. Они думали, что полностью контролируют свои судьбы. Но когда в их жизнь врываются наглые креативщики, ворчливые айтишники, угрюмые архитекторы и лучшие друзья, идеальные алгоритмы девушек летят к чертям. Добро пожаловать на самый весёлый, романтический и ироничный девичник, где любовь всегда побеждает любые правила!

© Вебер О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Вебер

Девичник в большом городе

Смузи для врага

Глава 1. Идеальный план и черничная дуга

Понедельники созданы для триумфов. По крайней мере, именно эта мысль, похожая на идеально выверенный рекламный слоган, грела Машу Воронцову, пока она уверенно шагала по зеркальному холлу издательства «Слово».

Маша любила порядок. Нет, «любила» — это слишком мягкое, расплывчатое слово, которое не одобряют редакторы академических словарей. Маша порядок боготворила. Её жизнь была безупречно сверстанной рукописью, где каждая запятая стояла на своём месте, а любые сюжетные повороты предварительно согласовывались с личным планером в кожаной обложке цвета пыльной розы.

Стресс? Маша не знала этого слова. Точнее, знала, но умела виртуозно упаковывать его в ментальные коробки. Когда мир вокруг начинал напоминать хаотичный черновик, у неё включался внутренний защитный механизм: она начинала мысленно раскладывать предметы вокруг по алфавиту или цветам радуги, параллельно выуживая из кармана мятный леденец. Сахар без красителей — её личный бренд-менеджер душевного равновесия.

Сегодня в её планере жирным красным маркером было обведено: *«10:00. Летучка. Назначение на должность главного редактора художественной литературы»*. Три года. Ровно три года, наполненных бессонными ночами, бесконечными кофе-брейками с капризными авторами, битвами за тиражи и ночёвками на пыльных складах типографий в Чехове, вели её к этому дню. Она заслужила это кресло. Она выбила лучшие гонорары для Иннокентия Лукина, чья детективная серия кормила половину издательства. Она знала рынок так, словно сама его спроектировала.

— Маш, ты сегодня сияешь, как новая глянцевая обложка с УФ-лаком, — улыбнулась ей на ресепшене секретарь Анечка, перебирая утреннюю почту.

— Спасибо, Ань! Сегодня великий день, — Маша изящным движением поправила лацкан своего строгого бежевого жакета, купленного специально для этого случая, и решительно шагнула к лифту.

В переговорной под гордым названием «Классика» уже пахло бодрящим арабика-блендом и лёгким предвкушением кадровой бури. Генеральный директор холдинга, Пётр Аркадьевич — мужчина почтенных лет с благообразной сединой и неискоренимой склонностью к театральным паузам, — восседал во главе длинного стола из мореного дуба. По правую руку от него, как обычно, устроилась Инга — пиар-директор издательства.

Инга выглядела безупречно. Настолько безупречно, что это вызывало подспудное желание найти на её белоснежной блузке хотя бы одну торчащую ниточку. Идеально уложенное каре, дорогой парфюм с нотами хищного жасмина и улыбка, которой при необходимости можно было колоть лёд для коктейлей. Маша всегда относилась к ней с профессиональной настороженностью. Инга была мастером тонких интриг и пассивно-агрессивных комплиментов, которые оставляли после себя ощущение, что тебя только что аккуратно переехал каток, покрытый шёлком.

— Присаживайся, Машенька, — мягко сказал Пётр Аркадьевич, полистывая какой-то документ. — Ждём только нашего нового... коллегу.

Маша на секунду замерла с открытым блокнотом. Пальцы застыли над дорогой перьевой ручкой. *Нового? Кого?* В её безупречном плане на этот понедельник никакого «нового коллегу» не значилось.

Дверь переговорной распахнулась ровно в 10:00. Секунда в секунду. Но человек, который переступил порог, совершенно не вписывался в строгую, пропахшую типографской краской и традициями атмосферу «Слова».

На нём был объёмный чёрный худи с каким-то дерзким минималистичным принтом, слегка растрёпанные тёмные волосы, словно он только что слез с мотоцикла или забыл причесться после сна, а на плече небрежно болтался стильный кожаный рюкзак. Но больше всего Машу заставил нахмуриться высокий прозрачный стакан в его правой руке. В нём колыхалась подозрительная, густая субстанция ядовитого фиолетово-зелёного цвета.

— Всем привет, извините за точность, на Садовом сегодня адские пробки, — парень белозубо и чертовски обаятельно улыбнулся, без приглашения занимая свободный стул прямо напротив Маши. От него повеяло дорогим древесным парфюмом и дерзостью.

— Итак, коллеги, — Пётр Аркадьевич кашлянул, привлекая внимание и беря свою фирменную драматическую паузу. — Начнём с главных новостей. Наше издательство официально вошло в состав крупного медиахолдинга «Медиа-Групп». Процесс слияния завершён. И в связи с реструктуризацией у нас серьезные кадровые изменения.

Сердце Маши сделало кульбит, пробило рёбра и застряло где-то в районе горла. Она почувствовала, как ладони мгновенно стали влажными.

— На должность креативного директора и со-руководителя объединенного отдела продвижения и редактуры назначен Кирилл Андреевич Гордеев. Прошу любить и жаловать. Кирилл совершил революцию в глянце, поднял рейтинги двум ведущим журналам холдинга, и теперь его задача — заняться глобальным визуальным перезапуском наших книжных серий.

— Со-руководителя? — тихо переспросила Маша. Голос прозвучал на удивление твёрдо и холодно, хотя внутри неё идеальный карточный домик тайм-менеджмента только что рухнул от лёгкого дуновения ветра. Какой глянец? Какие журналы? Книжный бизнес — это монастырь, где молятся на текст, а не на красивые картинки для зумеров!

— Именно, — подхватил Кирилл, вальяжно откинувшись на спинку стула и с откровенным любопытством разглядывая Машу. Он сделал глоток из своего стакана. — Нам нужно полностью перетряхнуть это болото, коллеги. Я изучил ваши релизы за последний квартал. Ребята, без обид, но это же визуальная катастрофа.

Инга рядом мгновенно закивала, её локоны изящно качнулись:

— Вот и я всегда говорила Петру Аркадьевичу, что нам критически не хватает свежего взгляда! Кирилл, ваш концепт ребрендинга для «Медиа-Групп» был просто шедевром. Я видела презентацию.

Маша почувствовала, как у неё начинает мелко дёргаться правый глаз. Она полезла в карман жакета, нащупала пачку леденцов и мысленно начала: «А — абсурд, Б — бред, В — возмущение...»

— Катастрофа? — Маша выпрямила спину, её взгляд превратился в два лазерных луча. Возмущение требовало пространства, и она поднялась со своего места. — Позвольте узнать, Кирилл... Андреевич, на каком основании вы делаете столь запелляционные заявления? Наш детективный цикл Иннокентия Лукина держится в топе продаж всех независимых книжных сетей уже полгода! У нас три допечатки тиража за два месяца!

— Да потому что обложки ваших детективов пахнут нафталином и привокзальными развалами девяностых! — Кирилл тоже подался вперёд, опершись локтями о стол. Его карие глаза азартно блеснули. — Силуэт в плаще, размытый кровавый след и шрифт из фильмов ужасов категории Б. Серьёзно? На дворе 2026 год, девушка. Книгу должно хотеться выложить в соц-сети, она должна стать арт-объектом, стильным аксессуаром в руках читателя! А это...

Он брезгливо, двумя пальцами придвинул к себе лежащий на столе сигнальный экземпляр нового романа Лукина, который Маша с такой гордостью принесла показать генеральному. Толстенный том в твёрдом переплёте с золотым тиснением.

— Это классика жанра! — Маша сделала шаг вперёд. В ней проснулся дух берсерка, защищающего свои территории. — Читатели Лукина консервативны! Они покупают историю, интригу, текст! Они не купят ваш безликий «арт-объект»! Вы вообще в своей жизни хоть одну книгу до конца дочитали, или только глянцевые картинки с моделями разглядывали?!

— Машенька, Кирилл, давайте снизим градус... — попытался вставить Пётр Аркадьевич, но его голос потонул в ораторской дуэли.

— Я дочитал достаточно, чтобы понять: ваш дизайн продаёт не литературу, а беспроектную тоску, — парировал Кирилл, тоже поднимаясь во весь свой немалый рост. Он был на голову выше Маши, но её это совершенно не пугало. В ней сейчас бушевало пламя всех неоплаченных овертаймов её отдела.

— Ах так?! — Маша активно зажестичулировала, собираясь ткнуть пальцем в распечатанный график продаж в своём блокноте, чтобы размазать этого глянцевого выскочку сухими цифрами.

Но её правая рука в порыве праведного гнева сделала слишком размахистую дугу. И наткнулась на что-то пластиковое.

Дальнейшее произошло со скоростью свободного падения тиража безнадёжного автора.

Высокий стакан Кирилла покачнулся. Маша, заметив это боковым зрением, попыталась поймать его на лету, но её пальцы лишь придали пластику дополнительное ускорение. Густой, ледяной, чернично-шпинатный смузи красивой, сочной, фиолетовой дугой взмыл в воздух и идеально, с точностью до миллиметра, приземлился на грудь Кирилла Гордеева.

Субстанция мгновенно пропитала чёрную брендовую толстовку, смачно шлёпнулась на дизайнерский ремень и живописными подтёками устремилась вниз по светлым джинсам.

В переговорной «Классика» повисла такая оглушительная тишина, что было слышно, как на улице Садового кольца сигналист пробка. Инга тихо, театрально ахнула и прикрыла рот ладонью с безупречным маникюром. Пётр Аркадьевич просто зажмурился и потёр виски.

Кирилл медленно опустил голову. Он несколько секунд молча разглядывал стекающую по его животу фиолетовую жижу, в которой отчетливо виднелись кусочки неперемолотого шпината. Затем он так же медленно поднял взгляд на Машу. На его лице, вопреки её ожиданиям, не было ярости. Там читалось искреннее, глубокое, почти детское изумление.

Маша сглотнула, лихорадочно соображая, стоит ли прямо сейчас пойти на ресепшен и написать заявление по собственному желанию, или лучше сразу эвакуироваться через окно.

— Что ж, — нарушил тишину Кирилл. Он спокойно вытянул указательный палец, слизнул каплю смузи, упавшую ему на запястье, и задумчиво причмокнул. — Черника свежая, урожай этого года. Но должен заметить, Мария... ваши методы маркетинга и отстаивания позиций явно чересчур агрессивные.

— Я... я случайно, — пробормотала Маша, её пальцы в кармане судорожно сжали пачку леденцов. Ей хотелось съесть её целиком. Вместе с оберткой и планером.

Война за издательство «Слово» была официально объявлена. И первый раунд Маша Воронцова проиграла со счётом 0:1 в пользу здорового питания своего нового злейшего врага.

Глава 2. Взгляд через призму глянца

Если бы Кирилл Гордеев хотел провести остаток своей жизни, выбирая между тридцатью оттенками бежевого для обложки каталога нижнего белья или выслушивая истерики двадцатилетних моделей из-за неправильного ракурса, он бы остался в «Медиа-Групп Тренды». Там у него был статус бога визуальных смыслов, личный ассистент, приносивший двойной эспрессо ровно в 9:15, и дикая, удушающая тоска, которая с каждым месяцем становилась всё глубже.

Глянец сдох. Он превратился в красивый, лакированный фасад, за которым не было ничего, кроме рекламы французских духов и фальшивых интервью. Кирилл ушёл из журналов не потому, что его выжили. Он ушёл, потому что отчаянно, до зубного скрежета, захотел работать с настоящими, осязаемыми смыслами. С книгами. С литературой, которая меняет людей, а не просто лежит на журнальном столике для красоты.

Правда, первое утро в издательстве «Слово» с ходу попыталось спустить его с небес на грешную землю.

В 9:58 Кирилл стоял у дверей переговорной под пафосным названием «Классика». На плече привычно висел старый кожаный рюкзак, прошедший с ним все съемки от Исландии до Марокко. В левой руке он сжимал стакан со своим фирменным антистресс-коктейлем — чернично-шпинатным смузи. Директор по стилю старого журнала уверял, что этот фиолетовый кошмар очищает карму и печень, но Кирилл пил его просто потому, что черника была чертовски вкусной, а шпинат заглушал вкус разочарования от утренних пробок на Садовом кольце.

Кирилл толкнул дверь точно в 10:00. Внутри всё дышало таким консерватизмом, что у него мгновенно зачесался нос. Пахло старым дубом, остывшим кофе и... нафталином. Во главе стола сидел Пётр Аркадьевич — типичный издатель старой школы, который, казалось, лично присутствовал при подписании контрактов с Толстым и Достоевским.

Справа от него устроилась пиар-директор Инга. Кирилл отсканировал её за долю секунды: причёска волосок к волоску, блузка из шёлка, который в рознице стоит как половина его рюкзака, и взгляд хищника, почуявшего свежую добычу из холдинга. Таких женщин в глянце было пруд пруди. Они улыбались так сладко, что сводило челюсти, но за их пиар-стратегиями никогда не стояло ничего, кроме желания выгодно продать себя новому руководству.

Но внимание Кирилла привлек человек, сидевший напротив.

Девушка. Лет двадцати шести, с невероятно строгой осанкой и аккуратным пучком тёмных волос. На ней был бежевый жакет, который отчаянно пытался казаться деловым доспехом, но её выдавали пальцы. Она с такой силой сжимала дорогую перьевую ручку над своим планером, что её костяшки побелели. Но больше всего Кирилла заинтриговал её взгляд. Большие, умные, тёмные глаза смотрели на него не с обожанием или карьерным трепетом, а с такой откровенной, концентрированной яростью, будто Кирилл только что вошёл в переговорную и лично сжёг первый тираж её любимого автора.

«Ух ты, — подумал Кирилл, усаживаясь прямо напротив неё и ставя смузи на полированный дуб стола. — А в этом нафталиновом болоте есть кто-то живой. И этот кто-то явно хочет меня придушить».

— На должность креативного директора назначен Кирилл Андреевич Гордеев... — вещал Пётр Аркадьевич, беря свои фирменные паузы.

Кирилл откинулся на спинку стула, не сводя глаз с девушки. Он уже знал, как её зовут по предварительным отчётам. Маша Воронцова. Ведущий редактор. Человек, который держит на своих хрупких плечах всю художественную литературу издательства.

— Нам нужно полностью перетряхнуть это болото, коллеги, — лениво произнёс Кирилл, решив с ходу прощупать её защитные барьеры. — Я посмотрел ваши релизы за последний квартал. Ребята, это же катастрофа.

Инга рядом тут же сладко заворковала, поддакивая и строя глазки, но Кирилл её даже не слышал. Он смотрел на Машу. На то, как её аккуратно накрашенные губы сжались в тонкую линию, а правая рука судорожно нырнула в карман жакета, извлекая оттуда маленькую мятную конфетку. Это было так забавно и мило, что Кирилл едва сдержал улыбку. Она заедала стресс мятными леденцами. Какая очаровательная системная деталь.

И тут Маша взорвалась. Она подскочила со своего места, выпрямившись как натянутая струна.

— Катастрофа? Позвольте узнать, Кирилл Андреевич, на каком основании вы делаете такие выводы?! — её голос прозвучал как выстрел. Умный, хлёсткий, наполненный неподдельной страстью к своему делу.

Кирилл тоже поднялся, принимая вызов. Ему безумно нравилось это противостояние характера. В глянце все со всем соглашались, лишь бы не потерять контракты, а эта девчонка была готова драться за книжные обложки до последнего патрона.

Они начали спорить. Она защищала толстенный детектив Лукина с чудовищным дизайном из девяностых, называя его «классикой жанра», а Кирилл доказывал, что обложка должна быть арт-объектом. Маша жестикулировала так отчаянно, её глаза так горели, что Кирилл поймал себя на мысли: он готов слушать её тирады часами. В ней было то самое, настоящее, живое пламя, ради которого он и ушёл из журналов.

— Вы вообще в своей жизни хоть одну книгу до конца дочитали, или только глянцевики с моделями разглядывали?! — Маша сделала резкий шаг вперёд, взмахнув своим планером.

Дальнейшее Кирилл запомнил как в замедленной съёмке.

Правая рука Маши описала красивую, широкую дугу в воздухе и с глухим стуком врезалась в его прозрачный стакан со смузи. Стакан покачнулся. Маша испуганно округлила глаза, попыталась поймать его, но лишь придала пластику ускорение.

В следующую секунду густая, ледяная, фиолетово-зелёная субстанция с идеальной баллистической точностью взмыла вверх и обрушилась прямо на грудь Кирилла.

Шлёп.

Холодная жижа мгновенно пропитала его любимый чёрный худи от японского дизайнера, безжалостно залила светлый кожаный ремень и плотными, сочными ручьями устремилась вниз по джинсам, оставляя за собой живописные шпинатные разводы.

В переговорной повисла оглушительная, вакуумная тишина. Пиарщица Инга картинно прикрыла рот ладошкой, а генеральный директор просто закрыл глаза, видимо, мысленно подсчитывая сумму компенсации за моральный ущерб сотруднику холдинга.

Кирилл медленно опустил голову. Он несколько секунд молча разглядывал фиолетовое пепелище на своих джинсах. Смузи было действительно много. И оно было холодным. Очень холодным.

Он поднял взгляд на Машу. Девушка стояла бледная, испуганная, судорожно сжимая в кармане свои леденцы. На её лице читалась такая гамма чувств — от ужаса до готовности провалиться сквозь землю, — что Кирилл внезапно понял: он совершенно не злится. Наоборот, эта ситуация была настолько нелепой, живой и выбивающейся из любого регламента, что ему захотелось рассмеяться.

Кирилл спокойно протянул руку, слизнул одну фиолетовую каплю с запястья, причмокнул и посмотрел Маше прямо в глаза.

— Что ж, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал максимально невозмутимо. — Черника свежая, урожай этого года. Но должен заметить, Мария... ваши методы маркетинга и отстаивания позиций явно чересчур агрессивные.

Маша что-то испуганно пробормотала про «случайно», но Кирилл уже её не слушал. Он смотрел на её вспыхнувшие щёки и понимал, что работа в издательстве «Слово» будет гораздо,

гораздо интереснее, чем он предполагала. Эта партизанка в бежевом жакете только что объявила ему войну. И Кирилл Гордеев был готов принять этот вызов с огромным удовольствием.

Глава 3. Доктрина Маргариты

Пятничный вечер в баре «Литературный оргазм» напоминал улей, в котором пчёлы вместо нектара перерабатывали чистый стресс мегаполиса. Маша Воронцова сидела в самом глухом кожаном кресле у углового окна и с такой яростью возила пластиковой трубочкой по дну бокала, словно пыталась прорубить окно в параллельную вселенную, где глянцевого креативщиков сжигают на кострах из их же журналов.

— И он такой говорит мне: «Ваш дизайн продаёт беспросветную тоску»! — Маша сделала драматическую паузу, обведя подруг яростным взглядом. — Мне! Человеку, который лично выбил три допечатки тиража для Лукина! Человеку, у которого каждая запятая в договорах согласована с юридическим отделом холдинга!

— Маш, тише, ты сейчас трубочкой стекло проткнёшь, — Лера Мальцева, сидевшая напротив, изящно поправила в ухе огромную асимметричную серьгу из эпоксидной смолы и латуни. Её зелёные глаза азартно поблёскивали в приглушённом свете неоновых вывесок бара. — Давай вернёмся к ключевой сцене. Смузи. Фиолетовая дуга. Ты уверяешь, что шпинат растёкся именно по его прессу? То есть сквозь мокрую ткань худи было видно... анатомические подробности?

— Лера! — Маша почувствовала, как её щёки мгновенно вспыхнули жарче, чем неоновая вывеска над их столом. — Я тебе рассказываю о крахе своей карьеры, о том, что Пётр Аркадьевич нагло урезал мои полномочия и сделал меня со-руководителем с этим пришельцем, а тебя интересует рельеф его живота?!

— Ну, карьера — дело наживным, а хороший мужской пресс на дороге не валяется, — прыснула Даша Ковалёва. Она сидела, закинув ногу на ногу в облегающих спортивных лосинах, — примчалась в бар прямо из фитнес-клуба после четырёх персональных тренировок подряд. На шее у неё до сих пор болтался профессиональный свисток. — Маш, если этот твой Кирилл продолжит качать права, свистни мне. Я приду к вам в редакцию под видом автора пособия по кроссфиту и случайно уроню на него двадцатикилограммовый блин от штанги. Чисто ради оптимизации его креативных чакр.

— Никакого насилия и криминала! — мягко, но решительно вмешалась Аня Тихомирова, аккуратно пододвигая к Маше небольшую картонную коробочку, перевязанную капроновой розовой лентой. Из коробочки божественно пахло корицей, топлёным молоком и тёплым шоколадом. — Вот, Машенька, съешь. Это мои новые капкейки «Антистресс». Я сегодня вручную три часа взбивала крем. Секретный ингредиент — двойная порция бельгийского тёмного шоколада и ровно полторы столовые ложки коньяка в бисквите. Помогает при кадровых перестановках лучше любого психотерапевта.

Маша глубоко вздохнула, закрыла глаза и с видом великомученицы вонзила зубы в нежнейший, ещё тёплый бисквит. Шоколадно-коньячная лавина мгновенно начала свою спасательную операцию в её измученном организме. Она зажевала кондитерский шедевр мятным леденцом, устроив во рту абсолютный вкусовой хаос, и откинулась на спинку кресла.

— Анечка, ты святая. Если бы не ты, я бы сегодня уволилась, — пробормотала Маша, слизывая крем с губы. — Но вы не понимаете всей глубины катастрофы. Генеральный заставил нас работать вместе над флагманским проектом года — перезапуском серии русской классики для зумеров. И ладно бы только этот Кирилл с его дурацкой панамой и высокомерием! Так к нему же сразу присосалась Инга. Наша пиар-анаконда. Сегодня на летучке она ворковала вокруг него, как голубка над крошкой французского багета: «Ой, Кирилл Андреевич, у вас такой свежий западный подход, такой digital-взгляд!» Меня чуть не стошнило прямо на их совместный план продвижения.

— О-о, Инга, — протянула Лера, подзывая официанта и заказывая ещё один раунд «Маргариты» на четверых. — Помню эту пиявку. Она в прошлом месяце пыталась выбить у меня скидку в семьдесят процентов на партию моих браслетов для презентации какого-то автора, аргументируя это «великим пиаром в её личных соцсеточках». Знаем, плавали. Такие, как она, обожают смазливых мальчиков из холдингов с бюджетами в кармане. Кстати, о кошмарах... Меня саму дома ждёт персональный ад. Мой сосед за стеной.

— Тот самый программист? — Аня сочувственно посмотрела на Леру.

— Да! Этот зануда Артём вчера в два часа ночи снова стучал мне в стену шваброй! Видите ли, моя инди-музыка мешает ему писать код для какого-то сверхважного стартапа. Он пригрозил, что купит перфоратор и будет включать его ровно в восемь утра по субботам. Представляете, какой сухарь? Никакого чувства прекрасного! Живёт как робот.

— Ладно вам о мужиках, — Даша стукнула кулаком по столу, отчего бокалы жалобно звякнули. — Воронцова, соберись. Включаем режим «Партизанская война». Ты — мозг этого издательства. Ты знаешь авторов, знаешь рынок, помнишь наизусть все типографские расценки. Этот твой Кирилл — просто пришелец из глянца, он думает красивыми картинками, которые нельзя применить к суровой реальности. Твоя задача — доказать генеральному, что без твоего текста его картинки — это просто макулатура, завернутая в красивый фантик.

— Легко сказать, — вздохнула Маша, доставая свой планер и открывая чистую страницу. — Он заблокировал мой макет для Достоевского. Сказал, что моя обложка транслирует похороны эстетики.

— Значит, найди его слабое место, — Лера хитро прищурилась, принимая у официанта свежий бокал с коктейлем. — Все эти идеальные мальчики из глянца, привыкшие к чистым студиям и кондиционерам, дико боятся форс-мажоров и капризных гениев. Нарушь его зону комфорта. Покажи ему изнанку книжного мира.

Маша замерла. Её аналитический мозг, подпитанный коньячным капкейком и клубничной «Маргаритой», мгновенно начал выстраивать логические цепочки. Буквы в её голове начали складываться в чёткий, структурированный план.

— Лукин... — медленно, с нарастающим торжеством произнесла Маша. На её лице впервые за всю неделю появилась хищная, истинно редакторская улыбка. — У нашего главного автора детективов, Иннокентия Лукина, через три дня юбилей. Семьдесят лет. И он наотрез отказывается подписывать новый контракт на три книги, пока ему не привезут какой-то особый сорт цейлонского чая, который собирают только в полнолуние. И общаться он готов исключительно со «свежим, креативным руководством», потому что старое, то есть я, его якобы не ценит.

Подруги переглянулись. Даша довольно потёрла ладони, а Лера победно подняла свой бокал.

— Кажется, у твоего Кирилла Андреевича намечается очень весёлое и познавательное чаепитие, — усмехнулась Даша.

Маша решительно вырвала листок из планера и написала наверху: *«Военная доктрина Маргариты. Пункт 1: Натравить Лукина»*.

— Ну что, девочки, — Маша подняла свой бокал, её глаза азартно блестели. — За классическую литературу, сокрушительные дебюты и за то, чтобы шпинат на чужом прессе никогда не становился помехой для карьерного роста!

Четыре бокала со звоном встретились над столом. Война за издательство «Слово» официально переходила в партизанскую фазу, и Маша Воронцова была готова применить всё своё тактическое оружие.

Глава 4. Война на бумаге и кактусы Лукина

Если Маша Воронцова думала, что её изящный партизанский маневр под кодовым названием «Иннокентий Лукин» останется незамеченным для человека, который три года выживал в серпентарии топовых глянцевых редакций, то она дико недооценивала своего нового руководителя.

Кирилл сидел за своим новым рабочим столом, который пока ещё пах свежим лаком и пластиком, и с улыбкой рассматривал служебную записку, оставленную Машей на его клавиатуре ровно в 8:55. Записка была написана на безупречно белой бумаге, её почерк напоминал каллиграфический шрифт, а в конце стояла строгая, почти ультимативная подпись. Суть документа сводилась к следующему: главный автор детективов издательства «Слово» Иннокентий Васильевич Лукин празднует юбилей, капризничает, не подписывает стратегический контракт и требует «свежего креативного подхода». Маша великодушно делегировала эту священную миссию Кириллу, приписав мелким шрифтом: *«Уверена, ваш digital-взгляд легко решит эту незначительную проблему»*.

— Digital-взгляд, говоришь? — негромко хмыкнул Кирилл, делая глоток из своей утренней термокружки. Сегодня там был обычный чёрный кофе, потому что после фиолетового погрома в понедельник он решил временно исключить шпинат из своего офисного рациона. — Ну что ж, Мария, вызов принят.

Кирилл прекрасно понимал, что Маша натравила на него Лукина как цепного пса, надеясь, что семидесятилетний консервативный писатель, признанный мэтр криминального жанра, смешает глянцевого выскочку с грязью за первые пять минут общения.

В 11:00 дверь его кабинета отворилась, и на пороге появился сам Иннокентий Лукин. Писатель выглядел в точности так, как Кирилл его себе и представлял: тяжёлый шерстяной твидовый пиджак, несмотря на тёплый сентябрь, густые седые брови, сердито сдвинутые к переносице, и массивная трость с набалдашником в виде головы орла.

— Ну?! — громовым басом выдохнул Лукин прямо с порога, вонзая наконечник трости в новый ковролин Кирилла. — И где тут это юное дарование из журналов, которое хочет завернуть моих сыщиков в розовый неон для малолетних идиотов?! Где этот вредитель?!

Кирилл не вскочил с места, не начал судорожно лебезить и оправдываться. Вместо этого он спокойно поднялся, засучил рукава своего тёмно-синего пуловера и лучезарно улыбнулся.

— Иннокентий Васильевич, добрый день. Заходите, пожалуйста. Я как раз читал вашу последнюю рукопись «Убийство в зеркальном лабиринте». И, честно говоря, у меня к вам куча вопросов по поводу узла, которым убийца связал жертву в третьей главе. Это же классический морской калмыцкий узел, верно? Его сейчас почти никто не использует, чистая эстетика старой школы нуара.

Лукин замер на полшага. Его седые брови удивлённо поползли вверх, а трость застыла в воздухе.

— Ты... ты читал? Не просто обложку смотрел?

— Я прочитал все ваши девятнадцать романов, Иннокентий Васильевич, — абсолютно честно ответил Кирилл, аккуратно пододвигая к писателю самое мягкое кожаное кресло. — И именно поэтому я считаю, что ваши прошлые обложки — это преступление против вашего таланта. Они делают из вашего глубокого психологического нуара дешёвое чтиво для электричек. А вы пишете как классики французского детектива. Вам нужен стиль. Минимализм. Чёрно-белый контраст и глубокие тени, как в фильмах Альфреда Хичкока.

Лукин медленно, кряхтя, опустился в кресло. На его суровом лице впервые за день проступило что-то похожее на человеческий интерес.

— Хичкока, говоришь? Хм... Ну-ка, ну-ка, поподробнее. Машка-то мне вечно суёт этот нафталин с кровавыми следами, говорит, пипл хавают...

— Маша — потрясающий редактор, она бережёт традиции, — дипломатично вставил Кирилл, мысленно ставя себе жирный плюс за лояльность. — Но она слишком загружена операционной работой. А мы с вами сделаем коллекционное издание. Кстати, Иннокентий Васильевич, я знаю, что вы ищете особый цейлонский чай, который собирают в полнолуние. Мой друг-фотограф часто бывает на Шри-Ланке, он привёз мне две банки именно этого урожая. Но перед чаем... как вы относитесь к хорошему кофе с сиропом «солёная карамель»? Моя личная заправка.

Спустя три часа Маша Воронцова, караулившая у дверей кабинета Кирилла с блокнотом наготове, заглянула внутрь, ожидая увидеть там руины, пепелище и заявление Кирилла об увольнении.

Вместо этого её глазам предстала картина, которая заставила её мятный леденец со свистом пролететь прямо в горло.

Кирилл и Иннокентий Васильевич Лукин сидели рядышком на диване. Перед ними дымились две чашки кофе, пахло карамелью, а на экране планшета Кирилла был открыт... сайт международной ассоциации кактусоводств.

— Я тебе говорю, Кирюха, этот эхинокактус Грузона требует полива строго раз в две недели! — увлечённо гремел Лукин, дружески хлопая креативного директора по плечу. — А ты его залить хотел! Ладно, тащи свой контракт, подпишу я его. Но с условием: обложку с тёмными тенями Хичкока делаешь лично ты! Машке не доверяй, она у нас девочка строгая, всю романтику нуара погубит своими таблицами.

Кирилл поднял глаза и заметил стоящую в дверях Машу. На её лице застыла такая гамма чувств — от шока до глубокого, искреннего возмущения предательством её любимого автора, — что Кирилл едва сдержал победный смех.

Он плавно поднялся, взял со стола подписанный Лукиным контракт на три новые книги с огромными тиражами и подошёл к Маше.

— Добрый день, со-руководитель Мария, — тихо, чтобы не слышал увлечённый кактусами писатель, произнёс Кирилл, протягивая ей документы. На его губах плясала та самая наглая, но чертовски обаятельная ухмылка. — Проблема с автором решена. Контракт подписан. Экспертное мнение по поводу калмыцкого узла получено. Как видишь, мой digital-взгляд отлично справляется и с аналоговыми авторами. С тебя чашка какао на следующем девичнике.

Маша вырвала у него из рук папку с контрактом, её тёмные глаза полыхнули таким праведным гневом, что Кирилл на секунду испугался, как бы она не материализовала из воздуха ещё один стакан смузи.

— Вы невыносимы, Гордеев, — процедила она сквозь зубы, разворачиваясь на каблуках.

«1:1, Воронцова, — подумал Кирилл, глядя ей вслед и чувствуя, как внутри разгорается самый настоящий, азартный огонь. — Наша партизанская война становится всё интереснее».

Глава 5. Тонкий пиар анаконды и застрявший кактус

Четверг в издательстве «Слово» начался с происшествия, которое Маша мысленно занесла в категорию «Абсурд повышенной сложности». Иннокентий Васильевич Лукин, окрылённый дружбой с Кириллом, прислал в редакцию подарок в знак примирения — огромный, устрашающего вида эхинокактус Грузона в глиняном горшке. Проблема заключалась в том, что курьер умудрился застрять с этим колючим монстром в дверях грузового лифта, и теперь половина мужского состава отдела логистики пыталась вызволить растение, пока Кирилл давал им указания, сверяясь с «золотым сечением».

Маша стояла у кофемашины, меланхолично наблюдая за этой суетой сквозь стеклянную перегородку, и медленно разжёвывала мятный леденец.

— Подумаешь, кактус, — тихо проворчала она, нажимая на кнопку приготовления какао. — В прошлый раз Лукин прислал нам живого гуся в чемодане, когда застрял на финале детективной главы. Вот это был кризис-менеджмент.

— Доброе утро, Машенька, — раздался за спиной шёлковый, приторно-сладкий голос.

Маша внутренне подобралась и обернулась. Из-за угла выплыла Инга. Сегодня пиар-директор выглядела так, словно сошла со страниц каталога деловой одежды премиум-класса: шёлковая блузка глубокого винного цвета, безупречно уложенное каре и шлейф парфюма с нотами дикой орхидеи, способный свалить с ног небольшого кабана. В руках Инга держала пузатый бокал с детокс-водой и лимоном.

— Прекрасный день, правда? — Инга изящно облокотилась на стойку, её глаза хищно блеснули. — Наш Кирилл Андреевич просто творит чудеса. Мужчины в логистике так его слушают! Настоящий лидер. Кстати, ты видела, как он вчера переделал концепт продвижения для серии классики? Это просто... космос. Такой западный подход.

— Да, видела, — сухо ответила Маша, забирая свою чашку с какао. — Но концепт мы утверждали вместе. И текстовое наполнение, без которого эти картинки не имеют смысла, прописывал мой отдел.

— Ну конечно, конечно, — Инга пассивно-агрессивно улыбнулась, пригубив свою воду. — Текст — это очень важно. Это база, Машенька. Скучная, рутинная база, кто-то же должен ею заниматься, пока креатив двигает компанию вперёд. Кстати, о продвижении... Сегодня вечером в ресторане «Облака» пройдёт закрытый ужин с топовыми книжными блогерами. Презентуем им нашу новую философию холдинга. Кирилл, разумеется, будет главным спикером. Я забронировала нам места рядом, прямо у панорамного окна.

Маша на секунду замерла. Её аналитический мозг мгновенно выдал ошибку в расчётах. Закрытый ужин? С блогерами? Сегодня? Почему в её идеально структурированном плане об этом нет ни слова?

— Закрытый ужин? — Маша приподняла бровь, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. — Странно, почему мне не пришло официальное приглашение на почту? Книжные блогеры — это моя прямая зона ответственности как ведущего редактора художественной литературы. Я должна лично контролировать, какие тезисы они будут транслировать своей аудитории.

— Ах, Машенька... — Инга картинно прижала ладонь к груди, и на её лице отобразилась такая глубокая, фальшивая забота, что Маше захотелось закатить глаза до затылка. — Неужели не пришло? Какой кошмар! Наверное, в IT-отделе опять полетели серверы из-за этого слияния холдингов. Или... оу, я, кажется, вспомнила! Организаторы из «Медиа-Групп» выставили такой жёсткий, бескомпромиссный лимит на посадочные места от ресторана. Буквально каждый стул на счету! Только топ-менеджмент и ключевые инфлюенсеры. Я подумала, ты сегодня так занята вычиткой новой сложной корректуры Лукина... Ты ведь вечно по уши в этих пыль-

ных рукописях, зачем тебе отвлекаться на светскую суету зумеров? Там такой строгий коктейльный дресс-код, вечерние платья, шёлк... Тебе просто некогда было бы готовиться.

Это был классический, филигранный хук слева в стиле Инги. Пассивная агрессия, упакованная в шёлковую обёртку заботы. Инга не просто «забыла» отправить приглашение. Она намеренно вычеркнула Машу из списков, чтобы единолично блистать рядом с Кириллом перед инвесторами холдинга и выставить Машу консервативной серой мышью, не способной выйти в свет.

В этот момент к кофемашине подошёл Кирилл — со взъерошенными после битвы с кактусом волосами, но в неизменно стильном сером свитшоте.

— Привет, коллеги, — лучезарно улыбнулся он. — Лифт спасён, кактус Грузона официально занял своё место на моём подоконнике. Маша, Инга, вы готовы к сегодняшнему вечеру? Инфлюенсер Влад подтвердил участие, у него два миллиона подписчиков, он разнесёт наш концепт Достоевского на атомы, если мы не будем убедительны. Маша, жду от вас разгромных аргументов по тексту.

Инга на секунду побледнела, но тут же перехватила инициативу, сладко заглядывая Кириллу в глаза и касаясь его предплечья:

— Конечно, Кирилл Андреевич! Мы с вами сделаем это шоу. Жаль только, Машенька сегодня никак не может — у неё срочный дедлайн по сдаче тиража в типографию, она сама только что говорила, как загружена рутиной...

Маша посмотрела на Ингу, затем на Кирилла, который удивлённо приподнял брови. В её кармане леденцы зашуршали с утроенной силой. «*И — интрига, К — коварство, О — ответный удар*», — мысленно пронеслось в её голове.

— Ну что вы, Инга, ради такого важного стратегического события я найду время, — Маша мило, хищно улыбнулась пиар-директору прямо в лицо. — Типография подождёт свои дедлайны ради двух миллионов подписчиков Влада. Кирилл Андреевич, буду в ресторане ровно в семь. Уверена, организаторы найдут один лишний стул для человека, который эти книги, собственно, создаёт.

Когда Кирилл ушёл, Инга повернулась к Маше. От её утренней шёлковой приветливости не осталось и следа. Глаза пиар-директора превратились в две узкие щели.

— Послушай меня, Воронцова, — тихо, со свистом прошептала она, сделав шаг вперёд. — Не путайся под ногами. Этот проект — мой шанс вывести пиар-отдел на международный уровень холдинга. Кирилл мыслит масштабно, как я. А твои консервативные взгляды и вечные таблицы здесь только всё испортят. Не пытайся прыгнуть выше своей редакторской головы, шёлк тебе всё равно не к лицу.

Инга развернулась и стремительно пошла по коридору, стуча дорогами шпильками.

Маша осталась стоять у кофемашины, сжимая в руке остывающую чашку какао. Её идеальный план на четверг был безжалостно взломан. Приглашения нет, дресс-код вечерний, времени ехать домой за платьем из-за адских пробок на Садовом не будет. Инга была уверена, что выиграла этот раунд.

Но Инга не учла одного: Маша Воронцова три года выживала на книжном рынке. И если для триумфа текста ей придётся явиться на светский раут в своём любимом рабочем сером свитере-оверсайз и кроссовках, она сделает это. Война переходила на территорию высокой кухни, и Маша была готова закинуть свой главный мятный леденец прямо в эпицентр этого гламурного безумия.

Глава 6. Блогерский десант и true-crime на полях

Четверг, 19:35. Садовое кольцо, как обычно в это время, застыло в глухом, беспросветном параличе. Маша сидела на заднем сиденье такси, судорожно сжимая в руках свой планер, и с тоской смотрела в окно на бесконечную вереницу красных стоп-сигналов. Экран её телефона то и дело загорался от сообщений в общем чате подруг.

Даша: *«Воронцова, ты где?! Инга уже выложила сторис из "Облаков". Она там в шёлковом платье винного цвета с открытой спиной трётся около твоего Кирилла так близко, будто пытается стать его вторым худи!»*

Лера: *«Я посмотрела её аккаунт. Платье — прошлый сезон, крой неудачный, но спина действительно открытая, а декольте опасное. Маш, ты как оделась? Ты успела домой?»*

Маша: *«Какое домой, девочки, я намертво стою у Сухаревской. На мне мои любимые джинсы, серый свитер-оверсайз грубой вязки и белые кроссовки. Я выгляжу так, будто собралась сдавать макулатуру, а не презентовать Достоевского миллионникам. Кажется, это полный крах».*

Аня: *«Главное — не одежда, а интеллект! Но свитер расстегни на пару пуговиц, если они там есть... Ой, в свитере же нет пуговиц. Просто держись! Интеллект всегда бьёт шёлк!»*

Когда Маша наконец влетела в роскошный, залитый приглушённым неоновым светом зал ресторана «Облака» на тридцать каком-то этаже высотки, часы показывали без пяти восемь. Атмосфера внутри была пафосной до физической тошноты. В воздухе пахло дорогими селективными духами, устрицами и звоном бокалов с коллекционным шампанским. Вокруг круглого стола у панорамного окна с видом на сияющую ночную Москву устроился самый настоящий блогерский десант. Девушки с безупречным контурингом лица и айфонами наготове лениво переговаривались, периодически поправляя идеальные локоны.

В центре этого гламурного великолепия блистала Инга. Она стояла рядом с Кириллом, громко и неестественно смеясь над шуткой какого-то известного тикток-блогера. Кирилл в элегантном тёмно-синем костюме, идеально сидевшем на его широких плечах, выглядел как ожившая обложка журнала, который он сам когда-то редактировал. Белая рубашка была расстёгнута на две верхние пуговицы — никакой дурацкой панамы или растрёпанных волос. Настоящий топ-менеджер премиум-класса.

Маша в своём огромном сером свитере и удобных кроссовках чувствовала себя пингвином, случайно забредшим на закрытый бал-маскарад к павлинам. Несколько блогеров высокомерно окинули её взглядом с ног до головы, задержавшись на подошвах её обуви. Инга, заметив вошедшую Машу, победно приподняла свой бокал с шампанским и едва заметно, торжествуя улыбнулась.

— Оу, Машенька, ты всё-таки доехала сквозь свои дедлайны! — громко, чтобы слышали все, заворковала Инга, когда Маша подошла к столу. — Какая ты... уютная. В этом свитере. Правда, у нас тут строгий дресс-код, но для наших тружеников редакции мы, конечно, сделаем исключение. Кирилл Андреевич, мы как раз обсуждали с Владом философию цвета новой обложки.

Главная звезда вечера — Влад, топ-инфлюенсер с двумя миллионами подписчиков и репутацией самого циничного книжного критика рунета, — лениво зевнул, рассматривая свой безупречный маникюр.

— Всё это здорово, Ингочка, — протянул Влад, вяло пригубив свой детокс-коктейль. — Но, честно говоря, все эти ваши разговоры о синергии смыслов, неоновых градиентах и визуальных кодах... Это скучно. Зумеры не дураки. Если вы просто завернёте Достоевского в яркую обложку, они не побегут его покупать. Им нужен триггер. Нужен хайп. Вот что вы, как

издательство, можете предложить принципиально нового в самом тексте? Зачем мне читать книгу, если я могу посмотреть краткий пересказ на Ютубе?

Инга на секунду замерла. Её профессиональная пиар-улыбка натянулась, как струна на скрипке, готовая вот-вот лопнуть.

— Ну... мы планируем добавить интерактивные QR-коды с плейлистами к каждой главе... Кирилл, помоги мне? Ты же разрабатывал этот трек?

Кирилл открыл было рот, чтобы ответить, но Маша, стоявшая чуть поодаль с бокалом обычной минералки, поняла: это её звёздный час. Козни Инги, пробки, серый свитер — всё отошло на второй план. На кону стоял Фёдор Михайлович Достоевский, а в вопросах классики Маша Воронцова пленных не брала.

Она сделала глубокий вдох, закинула в рот мятный леденец и решительно шагнула вперёд, отодвигая Ингу плечом.

— Мы предложим им первозданный контекст, Влад, — чётко, уверенно и звонко произнесла Маша.

Все за столом синхронно повернулись к ней. Инга предупреждающе сузила глаза, но Машу было уже не остановить. Кирилл с любопытством подался вперёд, и в его карих глазах загорелся знакомый азартный огонёк.

— Контекст? — Влад лениво приподнял бровь. — И какой же?

— Что если я скажу вам, что «Преступление и наказание» — это первый в истории true-crime подкаст, просто записанный на бумаге сто пятьдесят лет назад? — Маша мягко улыбнулась, полностью перехватывая внимание аудитории. — Современные зумеры обожают истории про реальных маньяков, психологические разборы и сериалы вроде «Монстра» от Нетфликс. В нашем новом издании мы не меняем ни единого слова великого классика. Мы меняем угол зрения. Мы пригласили ведущего судебного эксперта-криминалиста и профессионального профайлера. Их комментарии будут идти прямо на полях книги, оформленные как всплывающие уведомления в мессенджере или ветка комментариев в закрытом чате. Профайлер будет разбирать психотип Раскольникова в момент планирования убийства старухи. Криминалист объяснит, какие ошибки совершил Родион с точки зрения улик и почему Порфирий Петрович — идеальный ментальный манипулятор. Мы даём читателю не школьную программу, а интерактивное расследование.

В переговорной... точнее, в роскошном зале ресторана повисла оглушительная тишина. Влад замер со своим бокалом, его глаза округлились. Две блогерши рядом перестали поправлять локоны и синхронно уставились на Машу.

— Профайлер на полях Достоевского? — медленно, смакуя каждое слово, произнёс Влад. На его лице впервые за вечер появилась живая, хищная улыбка топового блогера, учуявшего мега-хайп. — Чёрт... А это дико круто! Это же готовый вирусный тренд для Тиктока! «Разбор Раскольникова от эксперта МУРа». Слушай, детка, а это гениально. Напиши мне сегодня же в директ, мы сделаем совместный стрим на релизе. Как тебя зовут?

— Мария, ведущий редактор художественной литературы издательства «Слово», — скромно, но с абсолютным достоинством ответила Маша, поправляя рукав своего огромного серого свитера.

Остаток вечера прошёл под полную диктовку Маши. Блогеры обступили её, наперебой предлагая идеи для коллабораций, напрочь позабыв про Ингу. Пиар-директор в полном одиночестве уничтожала уже третий бокал шампанского у бара, и её взгляд, направленный на Машу, мог бы без труда испепелить небольшое издательство вместе со складом.

Кирилл не отходил от Маши ни на шаг. Он подливал ей минералку, подавал закуски и смотрел на неё с совершенно новым, нечитаемым выражением лица — смесью профессионального шока, азарта и... искреннего, глубокого восхищения. В его глазах больше не было глянцевого превосходства.

— Это было абсолютно гениально, Мария, — тихо сказал Кирилл, когда они вместе выходили из ресторана на прохладный ночной воздух Садового кольца ближе к полуночи. Инга уехала раньше, даже не попрощавшись. — Извини меня. Я был идиотом. Я не защитил тебя перед Ингой насчёт этого глупого дресс-кода, я просто не знал... Но твой серый свитер сегодня полностью разгромил её шёлк. Текст действительно бьёт картинку.

— Рада, что вы это поняли, Кирилл Андреевич, — устало, но победно улыбнулась Маша, вдыхая ночной воздух.

— Но у нас проблема, — Кирилл посмотрел на часы. — Завтра в девять утра презентация этого проекта у генерального директора и инвесторов холдинга. Нам нужно зафиксировать все твои тезисы про профайлера в графическом макете до утра. Поедем в офис? Я обещаю заказать самую вредную и вкусную пиццу в этой сытой Москве.

Маша посмотрела на него, прикинула объём работы и вздохнула. Её идеальный планер на сегодня был уничтожен, но этот чертовски привлекательный креативщик в тёмно-синем костюме сейчас предлагал ей то, ради чего она жила, — совместное создание настоящего книжного шедевра.

— Поехали, Гордеев, — кивнула она. — Но чур пицца с пепперони и двойным сыром. И без шпината!

Глава 7. Когда гаснет экран

Ночное издательство «Слово» в половине первого ночи выглядело совсем не так, как днём. Исчезла суета, затихли вечные споры авторов, а в пустых полутёмных коридорах гулко отдавался каждый шаг. Кирилл шёл по ковролину, неся в руках две огромные коробки с пиццей, от которых божественно пахло расплавленным сыром, пепперони и чесночным соусом. За ним, едва поспевая, семенила Маша. Свой строгий бежевый жакет она давно забросила на спинку кресла в кабинете, и теперь в своём огромном сером свитере выглядела непривычно домашней, уютной и... беззащитной.

«Если бы мне кто-то сказал в глянце, что я буду в полночь радоваться коробке жирной пищи в компании строгого книжного редактора, я бы посчитал этого человека сумасшедшим», — подумал Кирилл, устраивая коробки прямо на журнальном столике в Машинном кабинете.

Они устроились прямо на полу, у низкого столика. Перед ними горел единственный источник света — экран Машинного ноутбука и графический планшет Кирилла. Споры, которые ещё днём напоминали боевые действия, теперь превратились в чистый творческий экстаз. Маша на ходу формулировала тезисы для криминалиста, её глаза азартно блестели в темноте, а Кирилл тут же, на планшете, подбирал шрифты и верстал макет страницы.

Она оказалась чертовски умной. Не просто начитанной, а мыслящей масштабно, глубоко. Каждый раз, когда Маша увлекалась, она начинала смешно жестикулировать кусочком пиццы, а её правая рука автоматически тянулась к карману за мятным леденцом. Кирилл ловил себя на том, что вместо экрана всё чаще разглядывает её профиль, мягкие тени от ресниц и то, как забавно выбилась тёмная прядь из её идеального пучка. В ней не было той фальшивой, просчитанной до миллиметра глянцевої красоты, от которой он так устал. Маша Воронцова была настоящей. Настоящей до последней строчки.

— Слушай, Гордеев, а если мы сделаем здесь не просто рамку, а имитацию интерфейса мессенджера? — Маша повернулась к нему так резко, что их лица оказались в каких-то двадцати сантиметрах друг от друга. Она замерла, её дыхание на секунду перехватило. Кирилл почувствовал тонкий аромат её мятных конфет и шлейф какао.

— Имитацию интерфейса... — эхом повторил Кирилл, глядя прямо в её большие тёмные глаза. Внутри него словно замкнуло какой-то важный провод. — Да. Это... это отличная идея, Маш.

В эту самую секунду, словно в дешёвом драматическом фильме, экран ноутбука моргнул. А затем в издательстве с громким, тяжёлым щелчком погасло абсолютно всё.

Кабинет мгновенно погрузился в непроглядную, вакуумную тьму. За окном шумело Садовое кольцо, но плотные жалюзи не пропускали свет уличных фонарей.

— Ой! — тихо пискнула Маша в темноте. Кирилл услышал шуршание её свитера. — Что это? Гордеев, это у тебя ноутбук сел?

— Ноутбук бы работал от батареи, Маш, — Кирилл на ощупь потянулся к карману джинсов и достал телефон, включая встроенный фонарик. Луч света выхватил из темноты испуганное лицо Маши. — Похоже, во всём здании вырубил фазу. Ночная автоматика холдинга. Они часто отключают силовые кабели на профилактику с двух до пяти утра в целях экономии.

— В смысле — экономии? — Маша подскочила с пола. — У нас презентация в девять утра! Мне нужно дописать три абзаца! Пойдём на ресепшен, у Анечки там должен быть резервный щиток.

Они вышли в тёмный коридор, подсвечивая себе путь фонариками от телефонов. Издательство сейчас напоминало заброшенный замок. Маша уверенно шагала впереди, но когда они дошли до стеклянных дверей зоны ресепшена, её кроссовки резко затормозили.

Маша толкнула стеклянную дверь. Та даже не шелохнулась. Она дёрнула сильнее, навалившись всем телом. Результат был прежним.

— Не поняла... — пробормотала она, лихорадочно прикладывая свою пластиковую карту-пропуск к электронному считывателю. Считыватель был мёртв. На нём не горел даже маленький красный огонёк. — Карта не работает. Кирилл, попробуй свою!

Кирилл приложил свой пропуск премиум-класса от холдинга. Ничего.

— Система контроля доступа обесточена, Маш, — спокойно констатировал Кирилл, подёргав массивную ручку. — Магнитные замки наглухо заблокировались в режиме безопасности. При потере питания они блокируют этаж, чтобы никто со стороны не зашёл.

— Отлично! Значит, мы можем выйти через запасной выход у пожарной лестницы! — Маша развернулась и почти бегом устремила в конец коридора. Кирилл едва успевал за ней.

Но у пожарного выхода их ждал точно такой же мёртвый электронный замок. Окна первого этажа были закрыты глухими декоративными решётками, через которые не пролезла бы даже пиар-директор Инга после жёсткой диеты.

— Так, без паники, — Маша лихорадочно задышала, её пальцы судорожно зашуршали пачкой леденцов. — Сейчас... сейчас я позвоню на пост охраны. У них есть центральный пульт, они откроют ручную.

Она поднесла телефон к лицу и замерла. На экране в верхнем углу горела унылая надпись: «Нет сети».

— Что за бред... — прошептала она.

— Бетонные перекрытия нового здания холдинга, — Кирилл достал свой телефон и продемонстрировал ей точно такой же чистый экран без единой палочки связи. — Они глушат сигнал намертво, а внутренний ретранслятор этажа отключился вместе с основным питанием. Внутренние телефоны тоже мертвы, Маш. Они работают от офисной АТС.

Маша медленно, словно у неё подкосились ноги, опустилась на маленький диванчик для посетителей прямо в коридоре. Фонарик её телефона высветил её бледное лицо и растрёпанные кудри, которые окончательно выбились из пучка.

— То есть... — она подняла на него глаза, полные искреннего, детского ужаса. — Мы заперты здесь? До восьми утра? В пустом издательстве? Вдвоём? Без электричества и без связи?

Кирилл медленно выключил фонарик своего телефона, оставив гореть только один луч, направленный в потолок, чтобы создать хоть какой-то мягкий свет. Он подошёл к дивану, засунул руки в карманы джинсов и посмотрел на неё сверху вниз. На его губах снова появилась та самая, фирменная наглая ухмылка, но в глубине карих глаз плясали тёплые, азартные и совершенно не офисные чертики.

— Похоже на то, со-руководитель Воронцова, — тихо, с лёгкой хрипотцой произнёс он. — Мы официально отрезаны от цивилизации. Самое время узнать, какие ещё тайны, кроме профайлинга Достоевского и мятных леденцов, вы скрываете под этим огромным серым свитером. И учти, бежать тебе абсолютно некуда.

Глава 8. Косплей на складе маркетинга и заначка главреда

Первые полчаса в темноте Маша честно пыталась действовать по правилам кризис-менеджмента. Она мерила шагами тёмный коридор, подсвечивая стены фонариком, проверяла каждый замок и даже попробовала постучать в массивное окно переговорной, но толстые стёкла издательства «Слово» надёжно глушили любые звуки. На улице Садового кольца лениво перемигивались фары редких машин, а в офисе из-за отключения вентиляции становилось всё прохладнее.

Кирилл тем временем преспокойно вернулся в её кабинет, вытянул ноги и устроился на диване, подложив под голову рюкзак.

— Воронцова, прекрати шуршать, у меня от твоего маятникового движения уже голова кружится, — лениво проговорил он из темноты. Его голос звучал непозволительно бархатно и спокойно для человека, запертого в бетонной ловушке. — Нас никто не услышит. Смирись и расслабься. Проект мы почти добились. Единственный минус — здесь становится дико холодно. Твой свитер-оверсайз тебя вообще греет?

Маша остановилась в дверях кабинета и потеряла край рукава. Ей действительно было зябко. Осенний холод пробирался сквозь стены старого здания.

— На складе маркетинга должны быть пледы, — вспомнила она, шмыгнув носом и мысленно раскладывая по алфавиту тёплые вещи: *«О — одеяло, П — плед, Ш — шарф»*. — Или брендовый мерч для осенних книжных выставок. Пошли искать, а то к утренней летучке мы превратимся в два леденца, которые Пётр Аркадьевич не сможет сдать холдингу.

Они подсветили дорогу фонариками от телефонов и пробрались в дальнюю комнату склада. Там пахло свежей типографской краской, новым картоном, сухими сувенирными свечами и пылью. В углу высились огромные картонные коробки с надписью: *«Костюмированный фестиваль СЛР 2025. Архивы»*.

Кирилл запустил руку в самую большую коробку и с триумфальным видом вытащил оттуда... огромный, тяжёлый чёрный плащ с ярко-алым шелковым подкладом и жёстким стоячим воротником.

— Кажется, граф Дракула оставил свой гардероб, когда мы презентовали серию вампирских романов, — хмыкнул Кирилл, тут же с глухим шуршанием накидывая плащ на плечи. — Ну как? Мне идёт?

Маша не выдержала и прыснула от смеха, зажав рот ладонью. Образ стильного, холёного креативного директора из глянца в пафосном вампирском плаще поверх современного свитшота выглядел невероятно, оглушительно комично. Полночный страх окончательно испарился, уступая место какому-то странному, щекочущему веселью.

— Тебе не хватает только клыков и бледного грима, Гордеев, — отсмеявшись, сказала Маша, продолжая раскопки в соседней коробке. Ей повезло чуть меньше. На самом дне обнаружился только пушистый ободок с розовыми эльфийскими ушками и длинный блестящий шарф с пайетками. Делать было нечего — холод брал своё. Она вздохнула, натянула ушки и обмоталась шарфом в три оборота.

— Ну вот, теперь мы идеальная пара для худшего косплей-фестиваля года, — резюмировал Кирилл, подсвечивая её фонариком. Розовые ушки на Машиной голове забавно качнулись.

Маша повернулась, чтобы поднять с пола упавшую коробку, и её луч фонарика случайно скользнул по нижней полке стеллажа, где за стопками старых каталогов пряталась потрёпанная деревянная шкатулка. На ней красовалась скромная наклейка: *«Сметы. Отдел редфонда»*.

— Странно, — Маша нахмурилась. — Редфонд у нас на третьем этаже, а не на складе маркетинга.

Она потянула шкатулку на себя. Та оказалась неожиданно тяжёлой. Маша открыла крышку и замерла. Внутри, аккуратно уложенная между старыми бланками строгой отчётности, лежала пузатая бутылка коллекционного шотландского виски двадцатилетней выдержки, две хрустальные стопки и початая пачка дорогих швейцарских сигар. На дне шкатулки лежал обрывок бумаги с размашистым почерком генерального директора: *«На случай визита налоговой или авторов из союза писателей. Не трогать. П.А.»*

Кирилл заглянул ей через плечо и присвистнул.

— Ого. А Пётр Аркадьевич, оказывается, хранит стратегические запасы прямо под носом у отдела аудита холдинга. Редфонд, говоришь? Ну, это действительно редкий и очень ценный фонд.

— Мы не можем это взять, — Маша строго посмотрела на бутылку, хотя её внутренний перфекционист уже высчитал, что ровно тридцать миллилитров этого янтарного напитка идеально сбалансируют её переохлаждённый организм. — Это частная собственность генерального.

— Маша, мы заперты в ледяном офисе ради спасения его же презентации, — Кирилл беззастенчиво выудил бутылку и стопки из шкатулки. — Пётр Аркадьевич сам скажет нам спасибо, когда мы завтра принесём ему контракт с Владом. Считай это производственной необходимостью для поддержания внутренней температуры креативного отдела.

Они вернулись в кабинет Маши, неся с собой бутылку, хрустальные стопки и целую охапку рекламных подушек с логотипом издательства. Кирилл сел прямо на ковёр, прислонившись спиной к дивану, и похлопал по месту рядом с собой. Маша, колеблясь лишь секунду, опустилась на пол, поджав под себя ноги.

Кирилл неожиданно потянул её за плечо, усаживая плотнее к себе, и широким, уверенным движением накрыл их обоих полами своего огромного дракуловского плаща.

Под тяжёлым бархатом мгновенно стало тепло. От Кирилла пахло дорогим древесным парфюмом, хорошей кожей, пиццей и какой-то едва уловимой зимней свежестью. Сердце Маши сделало странный, неритмичный удар, совершенно не вписывающийся в её привычный внутренний тайм-менеджмент. Она замерла, чувствуя, как его плечо плотно прижимается к ней, а пушистые эльфийские ушки на её голове едва заметно задевают его щеку.

Кирилл аккуратно разлил янтарную жидкость по хрустальным стопкам Петра Аркадьевича и протянул одну Маше.

— Ну что, со-руководитель Воронцова, — тихо произнёс он, и его карие глаза в полумраке кабинета блеснули совсем близко. — За успешный аудит редфонда и за то, чтобы наши макеты никогда не пропадали бесследно.

Маша взяла стопку, их пальцы на секунду соприкоснулись, и по её коже пробежала самая настоящая, осязаемая волна тепла, которая не имела никакого отношения к шотландскому виски. Война за издательство «Слово» продолжалась, но под этим чёрным плащом Дракулы границы их личных территорий начали стремительно и необратимо стираться.

Глава 9. Аналоговые смыслы и первый системный сбой

Виски Петра Аркадьевича обжигал горло мягким торфяным дымом, оставляя после себя затяжное, тёплое послевкусие. Кирилл держал хрустальную стопку двумя пальцами, наблюдая, как блёклый луч фонарика отбрасывает длинные, ломаные тени от их импровизированного укрытия на стены кабинета.

Рядом, укрытая вторым крылом тяжёлого дракуловского плаща, сидела Маша. Она обхватила колени руками, спрятав ладони в бесконечные рукава своего серого свитера, и задумчиво смотрела на пустую коробку из-под пиццы. Её пушистые розовые эльфийские ушки забавно съехали набок, но в полумраке кабинета это больше не выглядело смешно. Это выглядело... интимно. Так, словно весь остальной мир с его холдингами, пиар-стратегиями, Ингами и бесконечным Садовым кольцом просто перестал существовать, оставив их на этом маленьком острове ковровина.

— Знаешь, Гордеев, — тихо произнесла Маша, и её голос в тишине закрытого офиса прозвучал непривычно мягко, растеряв всю утреннюю редакторскую сталь. — Мои подруги в баре думают, что я воюю с тобой исключительно из-за амбиций. Из-за этого дурацкого кресла главного редактора художественной литературы.

— А это не так? — Кирилл повернул голову, разглядывая её профиль в неверном отсвете телефонного луча.

— Не так, — она качнула головой, и одна тёмная прядь окончательно выбилась из её пучка, упав на лоб. Маша даже не попыталась её убрать. — Десять лет назад, когда я была подростком, у меня очень тяжело, долго болела мама. Денег в семье не было вообще, отец ушёл, а я... я жутко переживала, закрывалась в своей комнате и балансировала на грани какого-то глухого, подросткового отчаяния. Единственным моим спасением, моим личным телепортом из серой, пугающей реальности были эти дурацкие, потрёпанные детективы Иннокентия Лукина. С теми самыми жуткими, «нафталиновыми» обложками из девяностых, которые ты так разгромил на летучке. Они пахли дешёвой газетной бумагой, но внутри них всегда был порядок. Там зло обязательно наказывалось в финале, а справедливость торжествовала ровно на трёхсотой странице. Для меня это была не просто макулатура. Это был мой личный круг безопасности. Когда я пришла работать в «Слово» и мне через пару лет доверили ведение серии Лукина... Для меня это стало личным манифестом. Я защищала на летучке не безвкусицу, Кирилл. Я защищала то единственное, что помогло мне выжить в детстве. И людей, которым, возможно, сейчас так же страшно и одиноко, как было мне.

Кирилл молчал. Он смотрел на то, как она судорожно перебирает в кармане свои неизменные мятные леденцы, и чувствовал, как внутри него с глухим грохотом рушится его собственный, тщательно выстроенный бэкэнд глянцевого цинизма. Вся эта спесь, с которой он ворвался в издательство, все его высокомерные речи про арт-объекты и зумеров сейчас показались ему дешёвой, пластиковой бутафорией.

— Извини меня, — негромко произнёс он, и его голос прозвучал неожиданно хрипло. — Я вёл себя как абсолютный, эталонный идиот. Махал шашкой, пытался оптимизировать то, в чём даже не удосужился разобраться.

Маша удивлённо повернула к нему голову. Эльфийские ушки качнулись.

— Ты? Просишь прощения? Наглый Кирилл Гордеев умеет признавать ошибки?

— Ещё как, — Кирилл едва заметно улыбнулся, глядя в её огромные тёмные глаза. — Знаешь, почему я на самом деле ушёл из глянца, Маш? Из всех этих топовых журналов, где у меня был личный кабинет и гора контрактов? Потому что там всё фальшивое. Картинка ради картинки. Модели, которые не читают ничего, кроме меню детокс-баров; инвесторы, которых волнует только маржинальность рекламы французских трусов. Там не было людей. Там не было

смыслов. Я пришёл в книжное издательство, потому что до ужаса захотел прикоснуться к чему-то настоящему, живому. К тому, что создаётся кровью и талантом. А в итоге... в первое же утро набросился на единственного человека в этой компании, который эти смыслы создаёт и бережёт. На тебя.

Маша замерла. Её дыхание стало частым, прерывистым. В полумраке кабинета, подсвеченном лишь одним вертикальным лучом фонарика, её лицо казалось невероятно бледным и трогательным. Вся её профессиональная броня, её бежевые доспехи и строгие таблицы тайм-менеджмента рассыпались в прах под этим бархатным плащом Дракулы.

— Кирилл... — едва слышно прошептала она.

— Я серьёзно, Маш, — Кирилл подался вперёд, сокращая оставшиеся между ними сантиметры. Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев коснулся её щеки, заправляя выбившуюся тёмную прядь ей за ухо. Её кожа в месте прикосновения была невероятно нежной и горячей. — Прямо сейчас моя креативная система координат выдаёт тотальный сбой. Потому что я рефлексирую только об одном: у ведущего редактора Маши Воронцовой самые красивые и упрямые губы в этой Москве, особенно когда она не пытается уничтожить меня за неправильный выбор шрифта.

— Гордеев, мы на работе... — слабо, скорее по привычке попыталась возразить она, но её пальцы, запутавшиеся в рукавах серого свитера, судорожно вцепились в его предплечье.

— Мы заперты, связи нет, а регламенты холдинга сегодня официально обесточены, — прошептал он ей прямо в губы.

Когда его губы коснулись её губ, Кирилл окончательно забыл про дедлайны, презентации и утреннюю летучку. Этот поцелуй не имел ничего общего с быстрыми интрижками из его прошлой светской жизни. Он был неторопливым, глубоким, аналоговым и до безумия настоящим. Он пах мятными леденцами, старыми книгами и шотландским виски Петра Аркадьевича.

Маша ответила на поцелуй с той же накопленной, сдерживаемой страстью, отпуская его плечо и зарываясь тонкими пальцами в его взъерошенные темные волосы. Черный бархатный плащ надежно скрывал их от темноты пустого офиса, а пушистые розовые ушки окончательно съехали на ковёр. В эту ночь в издательстве «Слово» два со-руководителя окончательно стерли границы своих личных территорий, переписывая сюжет своих отношений с чистого листа.

Глава 10. Утренний саботаж

Декабрьское солнце безжалостно ворвалось в панорамные окна кабинета ровно в семь тридцать утра, заставив Машу зажмуриться от резкого света. Первые несколько секунд её аналитический мозг, обычно работающий со скоростью типографского станка, выдавал тотальную ошибку дезориентации. Она проснулась от того, что её левое плечо полностью затекло, а голова покоилась на чём-то невероятно мягком, теплом и размеренно вздыхающем.

Этим «чем-то» оказалась грудь Кирилла.

Они так и уснули на полу, укутанные в полы огромного бархатного плаща графа Дракулы. Розовые эльфийские ушки Маши сиротливо валялись неподалёку, уткнувшись в пустую коробку из-под пепперони. Кирилл всё ещё спал, его тёмные растрёпанные волосы падали на лоб, а на губах блуждала едва заметная, расслабленная и чертовски обаятельная улыбка. В утреннем свете без своей привычной наглой глянцевої ухмылки он выглядел непривычно уютным.

Маша замерла, боясь сделать даже вдох. Воспоминание о ночном поцелуе — глубоком, со вкусом мятных леденцов и шотландского виски — мгновенно отозвалось обжигающим жаром в её щеках.

«О боже, Воронцова, ты провела ночь под вампирским плащом со своим главным карьерным конкурентом прямо на ковролине собственного кабинета», — внутренний перфекционист внутри неё забился в истерику, лихорадочно требуя составить план по ликвидации последствий и зачистке территории.

Внезапно в коридоре раздался тяжёлый, металлический скрежет и гул — это в здании наконец-то включилось основное электропитание. Магнитные замки на дверях ресепшена со звонким щелчком разблокировались. Послышались далёкие шаги первых сотрудников и стук шпилек.

Кирилл вздрогнул и открыл карие глаза. Секунду он дезориентированно смотрел на Машу, а затем его улыбка стала шире.

— Доброе утро, эльфийка, — прохрипел он со сна, его голос был непривычно низким. — Как спалось в замке вампира?

— Гордеев, подъём! — Маша в панике вскочила, сбрасывая плащ и лихорадочно поправляя свитер и джинсы. — Офис оживает! Если нас сейчас увидят в таком виде, сплетен в холдинге не обернуться до следующего сиквела Лукина! Быстро убирай бутылку Петра Аркадьевича!

Они едва успели привести кабинет в относительный порядок и сдать костюмы обратно на склад маркетинга. Маша добежала до дамской комнаты, умылась ледяной водой, наспех завила волосы в привычный строгий пучок и накрашила губы помадой, пытаясь вернуть себе вид неприступного ведущего редактора. Когда она вернулась, Кирилл, умудрившийся выглядеть стильно даже в слегка мятой после ночи рубашке, уже ждал её у входа в переговорную «Классика». На столе сияла заветная чёрная флешка, на которую Кирилл на рассвете успел скинуть их финальный макет «Классики для зумеров».

— Готова к триумфу, главный редактор? — подмигнул он.

— Всегда готова, — Маша глубоко вздохнула, чувствуя невероятный прилив сил.

В 8:50 в переговорную стремительно вошла Инга. Пиар-директор выглядела безупречно, но под её глазами залегли едва заметные тени — вчерашний триумф Маши перед блогерами явно не давал ей спать. Заметив Машу и Кирилла, стоявших подозрительно близко друг к другу у проектора, Инга хищно сузила глаза. Она сразу обратила внимание на помятый воротник Кирилла и излишне аккуратный пучок Маши. Её интуиция анаконды сработала мгновенно.

— Доброе утро, коллеги, — процедила Инга, присаживаясь за стол и с грохотом открывая свой ультрабук. — Надеюсь, вы подготовили хоть что-то стоящее после вчерашнего... перформанса в свитере. Пётр Аркадьевич и инвесторы холдинга будут через пять минут. Кирилл, ты выглядишь... утомлённым. Плохо спал?

— Спал как убитый, Ингочка. На свежем воздухе смыслов, — лучезарно соврал Кирилл.

— Даша, я отойду на секунду на ресепшен, заберу у Анечки распечатанные релизы, — Маша решила не тратить время на пикировки. Она повернулась и вышла в коридор.

Её не было ровно три минуты. Но этих трёх минут Инге, оставшейся в переговорной под предлогом настройки климат-контроля, пока Кирилл отвлёкся на звонок от курьера, хватило с избытком.

Когда Маша вернулась, Пётр Аркадьевич уже входил в переговорную в сопровождении двух строгих мужчин в дорогих костюмах — представителей совета директоров «Медиа-Групп». Атмосфера в комнате мгновенно наэлектризовалась.

— Ну что, молодёжь, — Пётр Аркадьевич грузно опустился во главе стола и открыл блокнот. — Показывайте, ради чего мы вошли в этот холдинг. Маша, Кирилл, включайте вашу презентацию Достоевского. Время — деньги.

Маша уверенно шагнула к ноутбуку, подключённому к главному экрану, и протянула руку к дубовой поверхности стола, чтобы взять их проект.

Её пальцы коснулись пустой, идеально отполированной древесины.

Маша нахмурилась. Она точно, до миллиметра помнила, что положила чёрную флешку прямо на свой планер перед тем, как выйти за релизами. Она быстро перевела взгляд на Кирилла — тот удивлённо развёл руками, обыскивая карманы пиджака. Под столом флешки не было. В её сумке — тоже.

Маша похолодела, чувствуя, как внутри всё сжимается от первобытного ужаса. Она медленно повернула голову и посмотрела на Ингу. Пиар-директор с самым невинным, безмятежным видом пила воду из стакана, но в самой глубине её глаз полыхало откровенное, злорадное и торжествующее пламя. Настоящий саботаж.

— Ну, мы ждём, Мария, — поторопил генеральный директор, недовольно постукивая ручкой по столу. — Где ваш концепт? Инвесторы не будут ждать.

Проект всей её жизни, спасённая ночь, её репутация и кресло главного редактора повисли на волоске, который Инга только что аккуратно перерезала своими ухоженными ножницами.

Глава 11. Презентация без слайдов

Когда Маша Воронцова бледнеет, это выглядит страшно. Её идеальная фарфоровая кожа становится почти прозрачной, а тёмные глаза округляются так, словно она видит перед собой не пустой дубовый стол, а крушение всей Вселенной.

Кирилл мгновенно отсканировал её жест, замершие над планером пальцы и пустую полированную поверхность там, где ещё три минуты назад лежала их заветная чёрная флешка с финальным макетом. Под столом — пусто. В карманах — ничего. Кирилл перевёл взгляд на Ингу. Пиар-директор сидела с видом благочестивой монахини, изящно потягивая воду из стакана, но в глубине её сузившихся глаз плясали такие торжествующие черти, что проводить расследование не требовалось. Эта анаконда всё-таки выждала момент и нанесла свой шёлковый удар, украв их цифровую презентацию за секунды до начала летучки.

— Ну, мы ждём, Мария, — голос Петра Аркадьевича прозвучал сухо, с лёгким налётом раздражения. Два инвестора из «Медиа-Групп» синхронно посмотрели на свои дорогие швейцарские часы. — Где ваш концепт? Время — деньги. Холдинг не будет ждать, пока вы ищите файлы.

Маша открыла было рот, и Кирилл впервые услышал, как в её голосе, всегда безупречно твёрдом, задрожали опасные нотки паники.

«Ну уж нет, Воронцова, — подумал Кирилл, чувствуя, как внутри него просыпается тот самый азартный дух берсерка, который в глянце помогал ему спасти съёмки при полном крахе оборудования. — Мы эту ночь на ковролине провели не для того, чтобы Инга сожрала наш проект на завтрак».

— Пётр Аркадьевич, господа инвесторы, — Кирилл решительно шагнул вперёд, засучив рукава своей рубашки и закрывая Машу спиной. На его губах расплылась самая наглая, уверенная и ослепительная улыбка из его арсенала. — Мы с Марией намеренно отказались от стандартных, скучных цифровых слайдов. Зачем смотреть на безликие пиксели на экране, когда мы презентуем живую, осязаемую философию для поколения, которое воспринимает мир через искренние эмоции? Мы покажем вам концепт в режиме реального времени. Маша, прошу, вскрывай бэкэнд смыслов!

Маша посмотрела на него. Её взгляд на секунду пересёкся с его, и Кирилл увидел, как в её тёмных глазах испуг мгновенно сменился абсолютным, горячим доверием. Она сделала глубокий вдох, расправила плечи, и её голос зазвучал над замершей переговорной как идеально настроенный инструмент старой школы.

— Наш главный флагман года — «Преступление и наказание» Фёдора Михайловича Достоевского, — чётко, без единой запинки начала Маша, чеканя каждое слово наизусть, словно весь их ночной проект был записан у неё на подкорке. — Но мы отказываемся продавать зумерам скучную школьную программу. Мы превращаем классический роман в первый в истории true-crime подкаст на бумаге.

Кирилл не терял ни секунды. Он подлетел к огромной маркерной доске, сорвал колпачок с чёрного маркера и начал стремительными, точными штрихами набрасывать эскиз новой обложки. Его пальцы двигались на чистом адреналине. Профессиональный дизайнер глянца внутри него выдавал абсолютный шедевр импровизации.

— Современная молодёжь обожает психологические триллеры и сериалы про реальных маньяков, — Маша уверенно шагала вдоль стола, и инвесторы холдинга ловили каждое её слово, затаив дыхание. — Мы не меняем текст классика. Мы меняем угол зрения. Мы вводим на полях книги комментарии ведущего судебного эксперта-криминалиста и профессионального профайлера!

Скрип-скрип, — маркер Кирилла летал по доске, создавая дерзкий, агрессивный, но невероятно стильный неоновый контур ночного Петербурга. Он рисовал Раскольникова в глухом чёрном худи, ломая стереотипы, но сохраняя ту самую хичкоковскую нуарную атмосферу, которую они обсуждали с Лукиным.

— Профайлер разберёт психотип Родиона в момент планирования убийства, — без заминки продолжала Маша, и Кирилл тут же набрасывал на доске текстовые блоки, оформленные как всплывающие уведомления из мессенджеров, уводя дизайн в плоскость современных гаджетов. — Криминалист объяснит ошибки с точки зрения улик. Мы даём читателю не пыльную классику, а интерактивное расследование на стыке литературы и криминологии! Влад, у которого два миллиона подписчиков, вчера на закрытом ужине в «Облаках» уже подтвердил, что этот концепт — гарантированный вирусный тренд для рунета!

Кирилл сделал последний, жирный штрих маркером, ставя эффектную точку внизу доски, развернулся и победно посмотрел на генерального.

В переговорной «Классика» повисла секундная, вакуумная тишина. А затем Пётр Аркадьевич медленно поднялся со своего кресла и с грохотом захлопнул свой блокнот. Кирилл краем глаза заметил, как Инга судорожно сжала свой стакан с водой, а её лицо приобрело зеленоватый оттенок шпинатного смузи.

И тут один из строгих инвесторов «Медиа-Групп» внезапно улыбнулся и начал громко, искренне аплодировать. К нему тут же присоединился второй. Пётр Аркадьевич расплылся в довольной, триумфальной улыбке старого издателя, который понял, что его компания только что сорвала главный куш года.

— Гениально! — воскликнул Пётр Аркадьевич, хлопая ладонью по столу. — Вот это я понимаю — презентация! Без этих ваших бездушных проекторов и флешек, на чистом мастерстве и харизме! Маша, Кирилл, вы просто превзошли себя. Холдинг подпишет этот бюджет без единого вопроса!

Кирилл подошёл к Маше и незаметно для всех легонько сжал её ладонь за своей спиной. Её пальцы больше не дрожали — они были тёплыми, а на щеках горел победный, яркий румянец. Первый раунд их утренней битвы завершился абсолютным, сокрушительным нокаутом глянцевого импровизации над чиновничьим саботажем.

Глава 12. Разоблачение и новые переплёты

Ликование инвесторов всё ещё эхом отдавалось в стенах переговорной, когда Пётр Аркадьевич, сияя от гордости, повернулся к представителям холдинга.

— Господа, я думаю, этот концепт не оставляет сомнений, — веско произнёс генеральный директор. — С сегодняшнего дня Мария Воронцова официально утверждается на должность главного редактора художественной литературы издательства «Слово». А Кирилл Андреевич становится её полноправным партнёром по продвижению и визуальному стилю.

— Спасибо, Пётр Аркадьевич, — Маша с трудом сдерживала бурю эмоций, бушевавшую внутри. Мечта трёх лет, выстраданная овертаймами и бессонными ночами, наконец-то обрела статус официального приказа. Но её перфекционизм требовал довести это утро до идеального финала.

— Поздравляю, Машенька, это... так неожиданно, — выдавила из себя Инга. Её голос подозрительно дрожал, а шёлковая блузка винного цвета словно поблёкла. Пиар-директор лихорадочно закрывала свой ультрабук. — Но как же технический регламент холдинга? Разве по правилам «Медиа-Групп» мы не обязаны прикрепить электронный исходный файл презентации к итоговому отчёту? Без флешки проект просто не согласует система автоматического контроля. Жаль, что вы её потеряли. Придётся всё переделывать...

Кирилл, всё ещё стоявший у маркерной доски, хитро прищурился. На его губах заиграла та самая наглая, но теперь уже невероятно родная Маше ухмылка. Он лениво бросил маркер на подставку и неторопливым, хищным шагом подошёл к Инге почти вплотную.

— О, насчёт цифровой копии отчёта можешь совершенно не переживать, Ингочка, — бархатно произнёс Кирилл, засунув руки в карманы брюк. — Наш проект уже на почте у Петра Аркадьевича и всего совета директоров. Я отправил резервную копию со своего ноутбука ещё в пять утра, когда мы с Машей заканчивали вёрстку бэкэнда. А вот насчёт флешки... Кажется, она случайно выпала из твоего кармана, когда ты так увлечённо настраивала климат-контроль?

Кирилл изящным, чисто глянцевым жестом фокусника указал на пол прямо под стулом пиар-директора. Там, в тени полированной ножки стола, прямо у дорогой замшевой туфли Инги, ярким неоновым бликом сияла злополучная чёрная флешка. Она лежала именно там, куда Инга её незаметно сбросила, поняв, что её план тотального саботажа провалился.

Инга вспыхнула до корней волос. Её безупречное каре качнулось, а на лице отобразился такой дикий, первобытный ужас пойманного с поличным хищника, что Маша мысленно поставила в своём планере жирный восклицательный знак в графе «С — справедливость».

Пётр Аркадьевич медленно перевёл взгляд с флешки на пунцовое лицо Инги. Его благообразная седина словно встала дыбом, а добрые глаза старого издателя превратились в два ледяных осколка.

— Инга Борисовна, — пугающе тихо и веско произнёс генеральный директор, поднимаясь со своего места. — Жду тебя у себя в кабинете через десять минут. С заявлением по собственному желанию. Без выходного пособия. Свободна.

Когда двери переговорной «Классика» закрылись за рыдающей пиар-анакондой и ушедшими инвесторами, в комнате наконец-то воцарилась тишина. Маша обессиленно опустилась на стул, чувствуя, как её ладони, спрятанные в рукава огромного серого свитера, наконец-то расслабляются.

Кирилл подошёл к ней сзади. Его сильные руки мягко опустились на её плечи, слегка сжимая их через плотную ткань вязки. От него пахло кофе, карамелью и тем самым ночным шотландским виски из заначки.

— Поздравляю, главный редактор Воронцова, — прошептал он ей прямо на ухо, и от его тёплого дыхания по её шее пробежали тысячи мурашек. — Справедливость восторжествовала. Совсем как на трёхсотой странице детективов Лукина.

— Спасибо, партнёр, — Маша повернула к нему голову и лучезарно улыбнулась, впервые не пытаясь мысленно разложить его действия по алфавиту. — Без твоего маркерного перформанса я бы превратилась в леденец.

— Ну, за моё спасение тебе придётся заплатить, Воронцова, — Кирилл нагло вато, но безумно нежно улыбнулся, и его пальцы аккуратно коснулись её щеки. — Свиданием сегодня вечером. И никаких серых свитеров. Текст текстом, но картинка сегодня требует продолжения.

Пятница, 21:00. Бар «Литературный оргазм».

Четыре бокала с клубничной «Маргаритой» снова со звоном встретились в центре стола под весёлый гул неоновых огней. Но на этот раз повод был исключительно триумфальным.

— За самого молодого, умного и красивого главреда в истории книгопечатного дела! — громче всех кричала Даша Ковалёва, привлекая внимание соседних столиков и яростно крутя на пальце свой свисток фитнес-тренера.

Маша, сияя в своём элегантном чёрном платье с открытыми плечами, сделала глоток коктейля и посмотрела на подруг. Слева сидела Аня Тихомирова, которая уже всю планировала праздничный торт с лавандовым кремом для Машиного отдела. А вот напротив устроилась Лера Мальцева, и её вид совершенно не вязался с общим праздничным настроением. Взрывная дизайнер украшений задумчиво крутила в руках телефон, и её зелёные глаза были полны трагизма.

— Так, Мальцева, колись, — Маша сразу раскусила подругу, её редакторский опыт помогал видеть людей насквозь. — Ты весь вечер вздыхаешь и начос даже не тронула. Что случилось? Твоя эпоксидная смола объявила забастовку?

Лера сделала глубокий вдох, залпом уничтожила остатки своей «Маргариты» и со стуком поставила бокал на деревянный стол.

— Девочки, мне конец, — трагично, в полголоса произнесла она. — Вы же помните Кристину? Ну, мою школьную недомезиду, которая увела у меня парня в десятом классе и вечно хвасталась своим идеальным женихом-олигархом? Так вот, она выходит замуж в следующем месяце в загородном клубе «Vip-Resort». И сегодня утром она прислала мне приглашение с припиской: *«Ждём тебя и твоего потрясающего, состоятельного жениха-миллионера, о котором ты так много писала в своих соцсетях»*.

— И в чём проблема? — нахмурилась Даша. — Пойдёшь одна, утрёшь ей нос своей новой коллекцией браслетов. Ты же у нас независимый творец.

— В том, — Лера закрыла лицо руками и застонала, — что в порыве пьяной гордости на прошлых выходных, когда мы праздновали Машины блогерские успехи, я написала ей, что выхожу замуж за сурового, безупречного топ-менеджера IT-холдинга. И прикрепила фотку... фотку моего соседа-программиста Артёма, которую сделала тайком через дверной глазок, когда он в очередной раз ругался на меня из-за громкой музыки! А Кристина уже внесла нас в списки VIP-гостей ужина! Если я приду одна или мой обман вскроется, я просто умру от позора прямо на её шёлковом ковре!

Маша, Даша и Аня синхронно переглянулись, и на их лицах медленно расплылись широкие, ироничные улыбки верных подруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.